

Анохина С. А. Черты лингвокультурного типажа «чиновник» по результатам анализа сочетаемости прилагательного *чиновничий* / С. А. Анохина, Н. В. Позднякова // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-9-23.

Anokhina, S. A., Pozdnyakova, N. V. (2020). Features of Linguistic and Cultural Type “Bureaucrat”: Compatibility of Adjective *bureaucratic*. *Nauchnyi dialog*, 3: 9-23. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-9-23. (In Russ.).

УДК 81'37::35.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-9-23

ЧЕРТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ЧИНОВНИК» ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНАЛИЗА СОЧЕТАЕМОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ЧИНОВНИЧИЙ*

© Анохина Светлана Анатольевна (2020), orcid.org/0000-0002-9174-3584, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогического образования и документоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (Магнитогорск, Россия), asa.06@inbox.ru.

© Позднякова Наталья Викторовна (2020), orcid.org/0000-0001-5680-6298, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (Магнитогорск, Россия), nvp2018@bk.ru.

Статья посвящена анализу лингвокультурного типажа «российский чиновник». Исследуется сочетаемость прилагательного *чиновничий* по данным текстов XIX—XXI веков, включённых в Национальный корпус русского языка. Новизна исследования видится в том, что авторы для описания черт характера лингвокультурного типажа «российский чиновник» обращаются к сочетаемости прилагательного, производного от имени типажа. Отмечается, что коннотативная составляющая в значении прилагательного обуславливает почти исключительно негативную трактовку образа: пейоративный компонент значения задаёт сочетаемость исследуемого адъектива с обозначениями отрицательных качеств. Авторы останавливаются на сложившихся в русском языковом сознании представлениях о характере российского чиновника, прослеживают их трансформации на протяжении двух веков. Анализ сочетаемости прилагательного показал, что лингвокультурный типаж «российский чиновник» характеризуется равнодушием, невежеством, трусостью, наглостью, неискренностью. Авторы статьи приходят к выводу, что в русской языковой картине мира равнодушие и трусость приписываются чиновникам разных периодов российской истории, тогда как показная наглость отмечается преимущественно в описаниях чиновников прошлого, а маркеры невежества и неискренности более частотны в характеристиках современных чиновников.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж «российский чиновник»; черты характера; чиновничий; сочетаемость; Национальный корпус русского языка.

«Для чего же вы заводите речь о чиновничьих добродетелях, коли сами сознаете, что лучшие совсем ничего об них не писать?»

М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы

1. Сочетаемость прилагательного *чиновничий* как одно из языковых средств, фиксирующих представления о чиновнике в русском языковом сознании

В лингвистических, в частности лингвокультурологических, работах последних лет изучению лингвокультурных типажей, то есть «узнаваемых образов представителей определённой культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, 2007, с. 88], уделяется значительное внимание. В настоящее время описан не один десяток лингвокультурных типажей [Дубровская, 2016], в том числе и «чиновник» [Щеглова, 2015а; Щеглова, 2015б; Щеглова, 2015в и др.], «государственный служащий» [Гуляева, 2015], однако нерешённых вопросов и неизученных объектов в данной сфере остаётся немало, тем более что «отдельно взятый типаж может быть присущ только одной культуре, в других культурах он либо не присутствует, либо присутствует в ином воплощении» [Непомнящих, 2014, с. 80], то есть чиновник российский и зарубежный, исторический и современный, представляет собой разные лингвокультурные типажы. Кроме того, исследователи используют различные методики и инструменты для реконструкции модели, что может приводить к разным выводам. Например, И. В. Щеглова, опираясь на исследуемый материал, пишет: «В целом, и официальные документы, и справочные издания, и мини-сочинения респондентов позволили выделить следующие конститутивные деонтологические характеристики типажа “чиновник”: компетентность, честность, ответственность, а также высокая мотивация на исполнение гражданского долга» [Щеглова, 2015б, с. 143]. В то же время наш материал демонстрирует совершенно иные, противоположные, черты лингвокультурного типажа «чиновник» [Анохина, 2014; Анохина, 2016; Anokhina, 2018].

Настоящее исследование посвящено анализу сочетаемости прилагательного *чиновничий* в текстах Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) с целью воссоздания черт лингвокультурного типажа «российский чиновник». Данный типаж — один из самых обсуждаемых в журналистском и интернет-дискурсах, кроме того, его оценка актуализировалась и в других дискурсах в разные временные отрезки. По словам В. И. Карасика, «лингвокультурные типажы могут иметь этнокультурную значимость, выражать ценности всего сообщества, подчёркивая национально-культурное своеобразие этноса <...> либо социокультурную зна-

чимость, характеризуя особую социальную группу, противопоставленную остальному обществу» [Карасик, 2008, с. 101].

Обращение к НКРЯ как источнику материала для анализа объясняется объёмностью данного ресурса и богатством возможностей, которые он даёт исследователю. В. А. Плунгян справедливо заметил, что «с помощью корпуса стало возможно не только быстрее и эффективнее решать известные науке задачи, но и ставить принципиально новые задачи, ранее практически невыполнимые из-за их трудоёмкости» [Плунгян, 2008, с. 14]. Среди этих задач В. А. Плунгян называет изменения частотности употребления и сочетаемости различных языковых единиц. В свою очередь эти «малозаметные изменения» в языке, выявляемые в результате анализа данных корпуса, могут стать фундаментом для выводов о изменениях и в лингвокультурных типажах.

В исследовании сочетаемости прилагательного *чиновничий* по данным НКРЯ мы (с определённой долей условности) выделяем три хронологических периода: с 1835 года (самое раннее из включённых в НКРЯ упоминание анализируемой единицы) по 1916 год; с 1917 года (год Февральской буржуазной и Великой социалистической революции, в результате которых было создано новое государство с иной социально-классовой структурой) по 1990 год; с 1991 года (год прекращения существования Советского Союза) по настоящее время. Подобная периодизация представляется нам оправданной в связи с тем, что слово *чиновник* (производящая база прилагательного *чиновничий*) в русском языке означает государственного служащего, то есть человека, чья деятельность теснейшим образом связана с государством, с государственным устройством, с государственной политикой. В связи с этим логично предположить, что в разных по своему устройству государствах (в Российской Империи, в Советском Союзе, в Российской Федерации) чиновники разные и их типажи в русском языковом сознании так или иначе отличаются друг от друга. Как справедливо отмечает И. В. Щеглова, «эволюционирующие характеристики свойственны всем типажам без исключения» [Щеглова, 2015в, с. 148].

Условность принятой нами периодизации связана с тем, что изменения в общественной жизни и в языковом сознании не происходят одновременно и текст, принадлежащий по времени создания к одному периоду, содержательно или идейно может относиться к иному периоду. Например, в книге С. И. Алёшина «Встречи на грешной земле», датированной 2001 годом, в интересующем нас фрагменте речь идёт о министре культуры СССР в 1960—1974 годах Е. А. Фурцевой: *Надо сказать, что, все более принимая сторону людей театра, она [Е. А. Фурцева] одновременно сильнее начинала третировать чиновничью угодливость и стремление к перестраховке*

(С. И. Алёшин. Встречи на грешной земле, 2001) [НКРЯ]. В данном случае мы имеем дело с характеристикой не современных, а советских чиновников. И подобных случаев среди употреблений прилагательного *чиновничий* в текстах НКРЯ немало. Исследователь не должен слепо полагаться на данные, которые предоставляет корпус. Выборки, полученные по тому или иному запросу, нуждаются в тщательной проверке и вдумчивом анализе. Как точно заметил А. Д. Шмелёв, «“Скепсис” по поводу электронных корпусов может быть связан скорее с возникающей иногда иллюзией, будто их использование само по себе обеспечивает достоверность результатов исследования» [Шмелёв, 2010, с. 240]. Само по себе использование корпусов — лишь инструмент в руках исследователя, который должен уметь максимально рационально применить этот инструмент, исходя из задач исследования.

НКРЯ является бесценным источником информации о статистике употребления языковых единиц. Инструменты НКРЯ позволяют построить график частотности словоупотребления как во всём корпусе, так и в любом из его подкорпусов. Статистика употребления в текстах НКРЯ прилагательного *чиновничий* демонстрирует существенное падение его частотности в советский период и значительный рост в период постсоветской России. При этом подобной динамики в частотности употребления существительного *чиновник* в постсоветский период, по данным НКРЯ, не наблюдается [Anokhina, 2018].

Мы считаем, что анализ сочетаемости производного прилагательного *чиновничий* на обширном материале НКРЯ позволяет сделать обоснованные выводы о «психологически реальном значении» [Стернин, 2006, с. 172] слова *чиновник*, являющегося именем соответствующего лингвокультурного типажа. Сочетаемость прилагательного, производного от данного имени, особенно если тождественные сочетания повторяются в текстах разных авторов, демонстрирует «объём семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков — более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Там же]. В данном исследовании мы остановимся лишь на наиболее важных чертах характера чиновника как лингвокультурного типажа, вербализованных посредством сочетаний с прилагательным *чиновничий*.

2. Черты характера российского чиновника как лингвокультурного типажа

Анализ сочетаемости прилагательного *чиновничий* по данным НКРЯ демонстрирует частичную трансформацию представлений о чиновнике в русском языковом сознании с течением времени. Относительно характе-

ра российского чиновника, репрезентированного в контекстах, составивших нашу выборку, мы можем сделать вывод о том, что чиновник носителем русского языка представляется обладателем таких качеств, как равнодушие, невежество, трусость, наглость, лицемерие.

2.1. Равнодушие чиновника как одна из составляющих лингвокультурного типажа

Судя по сочетаемости прилагательного *чиновничий* в текстах НКРЯ, среди черт характера чиновника, в частности российского, как лингвокультурного типажа маркируется равнодушие, которое вербализуется представительной группой единиц, сочетающихся с прилагательным *чиновничий*: *равнодушие, чёрствость, чёрствая натура, бездушие, холод и неподкупность, строгость, сухость и сдержанность, эгоизм, «это вне моей компетенции»: Александр продолжал образованные традиции Екатерины, при Николае светски-аристократический тон заменяется сухим, формальным, дерзко деспотическим, с одной стороны, и беспрекословно покорным — с другой, смесь наполеоновской отрывистой и грубой манеры с чиновничьим бездушием* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород, 1857) [НКРЯ]; *Однако, несмотря на свои многочисленные недостатки и на чёрствую чиновничью натуру, Федоров имел немало и хороших сторон* (А. А. Нильский. Закулисная хроника, 1856—1894) [Там же]; *Там она [советская власть] оборачивается к народу, к отдельному человеку с его бедами, муками и томительными надеждами лишь своей ужасной стороной отказов, вынужденных и непрочных обещаний (чтобы только отвязаться), чиновничьим холодом и неподкупностью* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов, 1964 // «Знамя», 2000) [Там же]; *Осип Эмильевич был потрясен этим чиновничьим равнодушием молодого редактора и перестал ждать чего-нибудь живого от своих новых друзей* (Э. Герштейн. Вблизи поэта, 1985—1999) [Там же]; *Готовя к печати этот материал, я вчитывался в имеющиеся в моем распоряжении бумаги и в очередной раз убеждался в том, что чиновничье равнодушие может загнать в гроб кого угодно* (В. Князев. Я вас туда не посылал, 2003) // «Спецназ России», 2003.02.15) [Там же].

Названное качество упоминается при характеристике чиновников в текстах разных эпох, в том числе в описании зарубежных государственных служащих: *Столкнувшись с равнодушием правительств Аводы, с бездушием чиновничьего аппарата, “русский” электорат, который способствовал победе лейбористов, стал постепенно дрейфовать вправо* (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства, 1999) [Там же].

В нашем материале присутствуют лишь единичные случаи употребления прилагательного *чиновничий* с существительными, значения которых содержат семы участия, внимания к людям (*приветливость, жалость*). К тому же если речь заходит о чиновничьей приветливости, то она изображается как снисходительно-фальшивая: — *Так расскажите же мне скорее, как всё произошло!* — вскричал “Анискин”, как только Первушин спрятал своё отвращение под **снисходительно-фальшивую чиновничью приветливость**. — *Я, собственно, даже не знаю... С чего мне начать?* — *Начните сначала* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости, 2003) [Там же]. Проявление внимания госслужащего к окружающим упоминается в текстах редко, и в качестве причины указывается, например, желание угодить вышестоящим чинам. Преимущественно же чиновник контекстно предстает человеком равнодушным, человеческое участие и жалость ему незнакомы: *Я всегда говорю маме: не взывай к чиновничьей жалости. У паразитов не может быть сочувствия. От долгой паразитической жизни у них атрофируются органы, которыми надо сочувствовать. Вон у глистов уже нет даже органов зрения и слуха, остались только части тела для получения удовольствия от еды и размножения* (М. Н. Задорнов. Фантазии сатирика, 2000 // «Октябрь», 2001) [Там же].

Человеческое сочувствие в типаже чиновника вытесняется профессионально необходимым бездушием: *Когда в Холманских включается чиновник, хочется посмотреть в окно — не полнолуние ли? Только что он вспоминал, как сам месяцами не получал зарплату, — и раз! — голодающие рабочие виноваты сами: не провели конструктивный диалог. Человеческое сочувствие в полпреде перемежается с чиновничьим “это вне моей компетенции”* (Д. Данилова, Д. Карцев. Вышел в дамки // «Русский репортер», 2013) [Там же]. Отсылка к полнолунию здесь является намёком на оборотня, «человекочиновника», сущности которого сменяют друг друга и не могут существовать одновременно.

Обратим внимание, что оба последних примера имеют в своей основе сарказм, поскольку являются отрывками юмористических монологов обличительного характера.

2.2. Невежество чиновника как составляющая лингвокультурного типажа

На то, что в русском языковом сознании лингвокультурный типаж «чиновник» не блещет умом, указывают сочетания прилагательного *чиновничий* с существительными *невежество, тупость, дурь, кретинизм*: *Ситуация с хищениями мяса — логическое следствие чиновничьего кретинизма, приведшего отрасль на грань распада* [коллективный. Почта «Огонёк» //

«Огонёк». № 10, 1991) [Там же]; *А если серьёзно: почему я должен терять свою единственную жизнь из-за чиновничьей дури?* (Ю. Нагибин. Война с чёрного хода, 1990—1995) [Там же]; *Необычайно талантливому человеку, неутомимому труженику, стремившемуся помочь всем незаслуженно обиженным, особенно из числа коллег-кинематографистов, Роману Кармену постоянно приходилось отбиваться от завистников и недоброжелателей, от чиновничьей тупости и невежества* (А. Кармен. Роман с острым сюжетом. О безумстве храбрых, любви и партии, 2001 // «Известия», 2001.11.27) [Там же]; *От понимания необходимости защищать бизнесменов, — пишет Сысоев в своей книжке “Иди и не бойся”, — я пришел к осознанию, что защищать нужно едва ли не всех — от чиновничьего произвола, от их глупости и тупости* (И. Найденов, А. Сысоев. Бизнесмен-передвижник // «Русский репортер», № 18 (18), 4—11 октября 2007) [Там же].

Весьма примечательно, что в описаниях чиновников царской России невежество практически не упоминается. В текстах XIX — начала XX веков мы отмечаем лишь сочетание *чиновничья мудрость* и *чиновничий кругозор*, имеющие в своём значении ироничные намёки на особый образ мышления, мировоззрение чиновников, о чем свидетельствуют слова убеждения и *единомышленники*: *Но не забудьте, что в настоящее время мы все живём очень быстро и что вообще чиновничья мудрость* измеряется нынче не годами, а плотностью и даже, так сказать, *врождённостью консервативных убеждений, сопровождаемых готовностью, по первому трубному звуку, устремляться куда глаза глядят* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи, 1872—1876) [Там же]; *Наше отношение к обществу и знакомым со времени ареста сына очень изменилось: испытав теперь настоящее горе, мы инстинктивно стали сторониться людей с чиновничьим кругозором, и у нас взамен образовался небольшой, но очень тесный кружок единомышленников* (С. А. Савинкова. Годы скорби // «Былое», 1906) [Там же].

Упоминание чиновничьего невежества также не отмечено нами в поисковых результатах НКРЯ по текстам, соотносимым с советским периодом, хотя это еще не причина для выводов об изменении образа чиновника. По справедливому замечанию А. Д. Шмелёва, «без обращения к языковой компетенции носителей языка из корпуса никоим образом не может быть извлечён так называемый отрицательный языковой материал, т. е. сведения о том, какие языковые единицы и конструкции являются неприемлемыми в данном языке. Иными словами, если некоторая единица или конструкция регулярно встречается в корпусе, мы можем с той или иной долей уверенности заключить, что она является правильной единицей или конструкцией данного языка; однако, если она в корпусе не обнаруживается, никаких заключений

о её приемлемости или неприемлемости мы сделать не можем (а можем лишь высказывать предположения, основанные на аналогии), если не обратимся к языковой компетенции носителей языка» [Шмелёв, 2010, с. 237—238].

2.3. «Чиновничий симбиоз наглого унтера Пришибеева и робкого, трясущегося от страха Акакия Акакиевича»

В языковом образе типичного чиновника сочетаются, казалось бы, противоположные черты: наглость и трусость. Это сочетание образно охарактеризовал Е. А. Евтушенко через упоминание двух героев русской литературы, чьи имена стали крылатыми. Свойство чиновника соединять в своём характере подобострастие с грубостью, как уже отмечалось [Анохина, 2014], нашло отражение в крылатой единице, восходящей к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина: *Либо в рыло, либо ручку пожалуйте* [Берков, 2000, с. 250]. Но если М. Е. Салтыков-Щедрин имел в виду отсутствие среднего варианта в поведении чиновника, то в русском языковом сознании закрепилось представление именно о сочетании в одном чиновнике двух полярных качеств. И хотя Н. Н. Суханов ещё в начале XX века писал: *Давно забытые старорежимные, трусливо-надутые, нагло-подхалимные чиновничьи физиономии* (Н. Н. Суханов. Записки о революции / Книга 5, 1918—1921) [НКРЯ], — эти качества чиновников не забыты и сегодня.

Представитель лингвокультурного типажа «чиновник» труслив: он боится начальства, боится перемен, боится принимать решения, боится за свою шкуру. *Страх, опасение, трусость* — вот существительные, сочетающиеся с прилагательным *чиновничий* в самых разнообразных контекстах: *У этих людей — ничего, кроме опасения за свою чиновничью шкуру, — нет, в данном случае, кроме этого, полусознательное самими злорадство по поводу того, что “мыкающей редакции” (“мы, мы ...”) прижат хвост* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов, 1965) // «Знамя», 2001—2002) [Там же]; *Они были всем обеспечены, имея гарантии безбедного существования, они, невзирая на чиновничью трусость, которая в каждом из них сидит, несмотря на останавливающие, предостерегающие слова их близких, всё же решились* (В. Лебедев. «Болит душа за родину», 2000 // «Жизнь национальностей», 2000.09.29) [Там же]; *Перестройку системы госслужбы тормозят чиновничьи страхи* (Н. Меликова. С самореформой бюрократы не спешат, 2003 // «Независимая газета», 2003.04.01) [Там же].

Порождениями чиновничьего страха, судя по контекстам, становятся покорность, послушание, угодливость, услужливость, стремление выслужиться. Интересным фактом нам представляется практически полное отсутствие сочетаний, свидетельствующих об услужливости современных чиновников. Почти все тексты, в которых отмечается употребление

прилагательного *чиновничий* с существительными данной тематической группы, написаны до 1991 года: *Обворожил Нельмин и двух влиятельных высокопоставленных лиц гражданского ведомства, которые как-то приехали в Кронштадт и посетили броненосец под командой Нельмина. Он показался им настоящим симпатично-грубоватым «loup de mer», гостеприимным, прямым и открытым, чуждым хитрости и чиновничьей угодливости* (К. М. Станюкович. «Берег» и море, 1902) [Там же]; *До чего преувеличен Маяковский! Не любим, но из чиновничьего, из рабского послушания преувеличен. Сталин распорядился: “Самый лучший!..” Ну, и пошла писать губерния — попал Владимир Владимирович в Пушкины нашей эпохи* [А. Мариенгоф. Это вам, потомки! 1956—1960] [Там же].

Мы отметили лишь один текст, относящийся к 2000-м годам, но и в нём чиновничья покорность представлена как примета стыка времён: *Продюсеры этих фильмов [серии «Дозоров»] оказались своеобразными заложниками стыка разных времен: социального времени рыночного беззакония и наступившей политики «диктатуры закона», времени Голливуда и советского кино и, наконец, кинематографического времени и времени телевизионного и рекламного. Тот продукт, который они произвели, оказался естественным образом гетерогенным. В нём сочетаются желание успеха, желание массовости и чиновничья покорность, заставляющая не только соответствовать требованиям рынка, но и соблюдать лояльность господствующей идеологии* (О. В. Аронсон. Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия. Ч. III, 2007) [Там же].

Вторая сторона типажа «чиновник» названа выше наглостью, но эту составляющую образа мы выделяем в результате нашей интерпретации таких лексических единиц, как *достоинство, комплекс превосходства, гордость, важность, честолюбие, спесь*, которые называют, как нам кажется, чувство превосходства, не имеющее под собой оснований. Другими словами, чиновник ценит свой социальный статус и считает себя выше других: — *Очень рад, конечно, не за вас, а за себя, что вас вижу здесь! — говорил он, вводя меня в свой кабинет, по убранству которого видно было, что Захаревский много работал, и вообще за последнее время он больше чем возмужал: он как-то постарел, — чиновничье честолюбие, должно быть, сильно его глодало* (А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов, 1869) [Там же]; *Петербургские чиновники были знакомы с приёмами хорошего тона и с министерским порядком, от кулинарных же познаний отказались или просто считали ниже своего чиновничьего достоинства мартать руки об очаг и сковороду* (Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера, 1866—1880) [Там же]; *Чуждое «земле», ни к чему, кроме канцелярского скрипения перьями да*

парадирования на плац-парадах не способное, ни к чему другому не чувствующее ни охоты, ни призвания, в силу укоренившихся в нем сословных предрассудков и **чиновничьей гордости**, относительно привилегированности своего положения, — оно превратилось в алчного попрошайку и нахлебника у государства, в нем одном видя своего поильца и кормильца (К. Н. Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года, 1880) [Там же]; Уже само собрание и издание памятников по русской народности красноречивее всякой полемики ниспровергает **чиновничью спесь** обличителей, прикрывающих пустоту своих тенденций филантропическими хлопотами о просвещении простонародья полезной практикой (Ф. И. Буслаев. Русский богатырский эпос, 1887) [Там же].

И вновь обращает на себя внимание отсутствие сочетаний прилагательного *чиновничий* с существительными *комплекс превосходства*, *важность*, *честолюбие*, *спесь* в текстах о российском чиновничестве. Является ли этот факт свидетельством существенных изменений, происходящих в современном лингвокультурном типаже «российский чиновник», покажет время. Сегодня мы на основании исследованных текстов можем констатировать универсальность представлений о чиновничьей важности, не имеющей ни временных, ни государственных границ, что естественно следует из присутствия в структуре значения слова сем ‘чин’, ‘должность’, ‘статус’: *Деценций не обратил внимания на эти предостережения, сохраняя невозмутимую **чиновничью важность** на бритом и желтом хитром лице* (Д. С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник, 1895) [Там же]; *Если мы обращаемся в итальянское или американское посольство, то видим, как сложна процедура получения виз. Чрезвычайно неприятное отношение в посольствах не только к русским, но и ко всем посетителям, это, видимо, **комплекс чиновничьего превосходства*** (А. Братерский, С. Пфаффенхофер. Не въезжают! В России «легких виз» не ищут, 2002 // «Известия», 2002.04.23) [Там же].

Анализируемые тексты фиксируют и такие характеристики чиновничьего поведения с людьми, как брезгливость, хамство: *И чем далее вы удаляетесь из Петербурга, тем чаще приходится вам наблюдать подобные “истории”, встречаясь с еще большим равнодушием и большею боязнью путаться не в свое “дело”, <...> особенно среди петербуржцев, привыкших путешествовать с молчаливою сдержанностью и тою, **чисто чиновничьей, брезгливостью** в дорожных знакомствах, благодаря которым можно сразу отличить кровного петербуржца* (К. М. Станюкович. В далекие края, 1886) [Там же]; *Мне часто случалось жаловаться Тусе на чью-нибудь очередную грубость — в домоуправлении, в издательстве, в Союзе.*

*И сама она нередко жаловалась мне на грубость чиновников. Однажды, когда мы с ней рассуждали о природе **чиновничьего хамства**, она сказала: — У советских служащих психология своего рода пенсионеров. Они рассматривают свою зарплату как пенсию, выдаваемую им государством на двух условиях: они должны являться в определенное помещение к определенному времени и находиться там 7 часов. Всё! (Л. К. Чуковская. Памяти Тамары Григорьевны Габбе, 1944—1960 // «Знамя», 2001) [Там же]; Я сижу на лекции по безопасности проведения походов со школьниками и, мертвея, слушаю Худоклинова. А тот с **чиновничьим апломбом** посмеивается из-за кафедры, бросая в учительскую аудиторию впечатления от тех спасательных работ на Бзыби. “Представляете, эти спелеологи, они придумали искать в лавине в аквалангах! Мы им говорим — вы еще ласты бы надели!” И разводит руками, апеллируя к доверчивым слушателям — вот де, какие неучи-профаны ходят по нашим горам! (К. Серафимов. Экспедиция во мрак, 1978—1996) [Там же].*

2.4. Неискренность как составляющая лингвокультурного типажа чиновника

Как показывает анализ контекстов с прилагательным *чиновничий*, еще одна черта лингвокультурного типажа «российский чиновник» заключается в том, что он в своих высказываниях вынужден балансировать между полуправдой и ложью: *Сколько было освобождено? Сколько попало в больницы? Сколько трупов, наконец? Без правдивого ответа на эти простые вопросы — даже самого горького — любая победа над террористами грозит снова утонуть в **чиновничьей лжи и полуправде**. Обвинения в адрес властей в сокрытии реальных масштабов катастрофы на Дубровке начались почти сразу после штурма (А. Шведов. Арифметика правды или формула лжи. Правда о пропавших без вести, 2002 // «Известия», 2002.10.31) [Там же].*

Хитростью он стремится избежать невыгодных для себя действий: *И какой же нужно обладать **чиновничьей хитростью**, чтобы не показать мне письмо ветеранов до или во время обсуждения вопроса на Секретариате! (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов, 1969 // «Знамя», 2004) [Там же].* Пустой похвальбой он прикрывает отсутствие реальных достижений: *В советские времена фрондёры напевали на мотив шопеновского траурного марша: “В сельском хозяйстве опять большой подъём (bis). — Скоро будет пленум (bis)!” — точно-в-точь Минобр про ЕГЭ. А вторым голосом к **чиновничьим похвальбам** простая публика ежегодно частит своё: эти списали, эти купили, этим учителя вынесли ответы, у этих не отобрали мобильных (А. Привалов. О неуместной креативности // «Эксперт», 2014) [Там же].*

Чиновник, согласно языковой репрезентации образа в текстах, неподрочен, нечестен в выборе средств достижения целей: *Впрочем, главный источник чиновничьей нечистоплотности — само устройство аппарата, точнее, экономики, в которой сохраняются возможности по распределению ресурсов, квот, лицензий, «сидению на потоках и распиливаю» государственных денег* (А. Колесников, Л. Кизилова, А. Садчиков. Неис требимые и несокращаемые. Чиновничество в России было и остается политической силой, 2001 // «Известия», 2001.06.27) [Там же].

3. Заключение

Анализ сочетаемости прилагательного *чиновничий* на материале текстов XIX—XXI веков, включённых в НКРЯ, позволил выявить существенные черты лингвокультурного типажа «чиновник»: равнодушие, невежество, трусость, чувство превосходства и др. Данные корпуса позволяют сделать вывод о том, что названные непривлекательные характеристики в разном объёме проявляются в представлениях о чиновниках царской России, Советского Союза и современной России. Устойчивыми чертами образа являются равнодушие и трусость: соответствующие лексические маркеры присутствуют в текстах разных лет. В характеристиках современных чиновников мы не обнаружили упоминаний показной наглости, спеси, зато контекстно фиксируются такие черты, как невежество и неискренность. Отметим, что это может быть результатом ограниченности анализируемых материалов.

Причина такой трактовки образа наивно-языковым сознанием видится в свойствах самого прилагательного. Неслучайно авторы статьи для описания черт характера лингвокультурного типажа «чиновник» обращаются к сочетаемости прилагательного, производного от имени типажа. Показательно, что адъектив имеет встроенные в его значение пейоративные коннотации, которые более всего прочего свидетельствуют о неодобренных смыслах, присутствующих в образе чиновника. Слово *чиновничий* невозможно представить в научном или официально-деловом тексте, то есть оно принадлежит сниженной лексике, употребительной в текстах разговорного и публицистического стилей. Результатом такой стилистической окраски прилагательного стала его сочетаемость с существительными, которые обозначают отрицательные характеристики. Обратим внимание, что сочетание *чиновничьи добродетели*, которое, казалось бы, включает в себя существительное с позитивной семантикой, на самом деле «прочитывается» как ироничное.

Описанные в статье черты характера чиновника образуют лингвокультурный типаж «чиновник», то есть обобщённый образ, реконструи-

рованные нами на материале разновременных и разножанровых текстов. Отметим, что преобладание пейоративных коннотаций у слов *чиновник* и *чиновничий* объясняется еще и тем, что в материалах преобладают тексты СМИ и художественных произведений обличительного характера.

Источники и принятые сокращения

1. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. — Москва : Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. — 624 с.

2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>.

3. *Фразеологический словарь русского языка* / под редакцией А. И. Молоткова. — Москва : АСТ, Астрель. — 2001. — 512 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина С. А. Чиновник в русской языковой картине мира по данным словарей / С. А. Анохина // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 3. — С. 100—102.

2. Анохина С. А. Чиновники в лозунгах и лозунги чиновников / С. А. Анохина // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2016. — № 3. — С. 66—72.

3. Гуляева Е. В. Дефиниционные признаки лингвокультурного типажа «государственный служащий» / Е. В. Гуляева, Е. А. Аникина // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия : Политология и социология. — 2015. — № 1. — С. 75—77.

4. Дубровская Е. М. Типология лингвокультурных типажей : опыт систематизации / Е. М. Дубровская // Мир науки, культуры, образования. — 2016. — № 2 (57). — С. 364—366.

5. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж / В. И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс. — 2007. — № 5. — С. 86—89.

6. Карасик В. И. Социокультурный типаж «шпана» в русском языковом сознании / В. И. Карасик // Вопросы психолингвистики. — 2008. — № 7. — С. 101—108.

7. Непомнящих Н. М. Лингвокультурный типаж как объект сравнительного анализа / Н. М. Непомнящих // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2014. — № 4. — С. 80—83.

8. Плулган В. А. Корпус как инструмент и как идеология : о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плулган // Русский язык в научном освещении. — 2008. — № 2. — С. 7—20.

9. Стернин И. А. Значение в языковом сознании : специфика описания / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. — 2006. — № 4. — С. 171—179.

10. Шмелёв А. Д. Языковые факты и корпусные данные / А. Д. Шмелёв // Русский язык в научном освещении. — 2010. — № 1. — С. 236—265.

11. Щеглова И. В. Характеристики лингвокультурного типажа «чиновник» (деонтологический аспект) / И. В. Щеглова // Альманах современной науки и образования. — 2015. — № 3 (93). — С. 141—143.

12. Щеглова И. В. Эволюция как определяющий параметр описания лингвокультурных типажей с интерпретативной активностью / И. В. Щеглова // Альманах современной науки и образования. — 2015. — № 4 (94). — С. 148—150.

13. Щеглова И. В. Эволюция ценностных характеристик лингвокультурного типажа «чиновник» в сознании молодого поколения носителей русского языка / И. В. Щеглова // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. IX международная научно-практическая конференция, сборник статей. — Волгоград : Изд-во Волгоградского фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. — С. 129—132.

14. Anokhina S. A. “Official Tears”: Signs of Sociocultural Type “Official” According to the National Corpus of the Russian Language [Electronic resource] / S. A. Anokhina, A. A. Osipova, N. V. Pozdnyakova // Current Issues of Linguistics and Didactics : The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences (CILDIAH-2018). “SHS Web of Conferences”. — 2018. — Vol. 50. — P. 01001. — Access mode : https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01001.pdf.

FEATURES OF LINGUISTIC AND CULTURAL TYPE “BUREAUCRAT”: COMPATIBILITY OF ADJECTIVE *BUREAUCRATIC*

© Svetlana A. Anokhina (2020), orcid.org/0000-0002-9174-3584, PhD in Philology, associate professor, Department of Pedagogical Education and Record Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia), asa.06@inbox.ru.

© Natalya V. Pozdnyakova (2020), orcid.org/0000-0001-5680-6298, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia), nvp2018@bk.ru.

The article is devoted to the analysis of the linguistic and cultural type “Russian bureaucrat”. The compatibility of the adjective bureaucratic is investigated according to the texts of the XIX – XXI centuries included in the National corpus of the Russian language. The novelty of the study is that to describe the character traits of the linguocultural type “Russian bureaucrat”, the authors refer to the compatibility of an adjective derived from the character type. It is noted that the connotative component in the meaning of the adjective determines an almost exclusively negative interpretation of the image: the pejorative component of the value determines the compatibility of the studied adjective with the designations of negative qualities. The authors dwell on the ideas that have developed in the Russian linguistic consciousness about the character of the Russian bureaucrat, and trace their transformations over two centuries. The analysis of the compatibility of the adjective showed that the linguistic and cultural character “Russian bureaucrat” is characterized by indifference, ignorance, cowardice, arrogance, insincerity. The authors of the article conclude that in the Russian language picture of the world indifference and cowardice are attributed to bureaucrats of different periods of Russian history, while ostentatious arrogance is noted mainly in the descriptions of officials of the past, and markers of ignorance and insincerity are more frequent in the characteristics of modern officials.

Key words: linguistic and cultural character “Russian bureaucrat”; character traits; bureaucratic; compatibility National corps of the Russian language.

MATERIAL RESOURCES

Berkov, V. P., Mokiyenko, V. M., Shulezhkova, S. G. (2000). *Bolshoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka*. Moskva: Russkiye slovari, Astrel', AST. (In Russ.).

- Molotkova, A. I. (ed.) (2001). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: AST, Astrel'. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russ.).

REFERENCES

- Anokhina, S. A. (2014). Chinovnik v russkoy yazykovoy kartine mira po dannym slovarey. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 3: 100—102. (In Russ.).
- Anokhina, S. A. (2016). Chinovniki v lozungakh i lozungi chinovnikov. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 3: 66—72. (In Russ.).
- Anokhina, S. A., Osipova, A. A., Pozdnyakova, N. V. (2018). “Official Tears”: Signs of Sociocultural Type “Official” According to the National Corpus of the Russian Language. In: *Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences (CILDAH-2018)*. “SHS Web of Conferences”, 50: 01001. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01001.pdf.
- Dubrovskaya, E. M. (2016). Tipologiya lingvokulturnykh tipazhey: opyt sistematizatsii. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2 (57): 364—366. (In Russ.).
- Gulyayeva, E. V., Anikina, E. A. (2015). Definiatsionnyye priznaki lingvokulturnogo tipazha «gosudarstvennyy sluzhashchiy». *Nauchnyy vestnik Volgogradskogo filiala RANKhiGS. Seriya: Politologiya i sotsiologiya*, 1: 75—77. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2007). Lingvokulturnyy tipazh. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 5: 86—89. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2008). Sotsiokulturnyy tipazh «shpana» v russkom yazykovom soznanii. *Voprosy psikholingvistiki*, 7: 101—108. (In Russ.).
- Nepomnyashchikh, N. M. (2014). Lingvokulturnyy tipazh kak obyekт sravnitel'nogo analiza. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kulturologiya. Pedagogika. Metodika*, 4: 80—83. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2008). Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2: 7—20. (In Russ.).
- Shcheglova, I. V. (2015). Kharakteristiki lingvokulturnogo tipazha «chinovnik» (deontologicheskiy aspekt). *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 3 (93): 141—143. (In Russ.).
- Shcheglova, I. V. (2015). Evolyutsiya kak opredelyayushchiy parametr opisaniya lingvokulturnykh tipazhey s interpretativnoy aktivnostyu. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 4 (94): 148—150. (In Russ.).
- Shcheglova, I. V. (2015). Evolyutsiya tsennostnykh kharakteristik lingvokulturnogo tipazha «chinovnik» v soznanii mladogo pokoleniya nositeley russkogo yazyka. In: *Menyayushchayasya kommunikatsiya v menyayushchemsya mire. IX mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, sbornik statey*. Volgograd: Izdvo Volgogradskogo fil. FGBOU VPO RANKhiGS. 129—132. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2010). Yazykovyye fakty i korpusnyye dannyye. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1: 236—265. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2006). Znachenije v yazykovom soznanii: spetsifika opisaniya. *Voprosy psikholingvistiki*, 4: 171—179. (In Russ.).